

**Ривлина А.А., канд. филол. наук,
доцент кафедры английского языка
при факультете менеджмента Национального
исследовательского университета Высшая школа экономики**

ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Согласно теории вариантов глобального английского языка (World Englishes), Россия прочно вошла в так называемый «расширяющийся круг» английского языка, в котором, в отличие от стран «внутреннего круга» и «внешнего круга», английский язык функционирует преимущественно во внешнекультурных сферах деятельности как язык международного общения и имеет ограниченный диапазон внутринациональных функций, например, в сфере образования [15: 300]. Однако, по мнению многих исследователей, именно в рамках данного круга лежат основные потенциальные возможности дальнейшего распространения и дальнейших преобразований английского языка. Отмечают, что изучение особенностей использования английского языка в странах «расширяющегося круга» - наименее разработанное, но и наиболее перспективное направление контактной вариатологии английского языка [11].

На наш взгляд, как мы уже отмечали в ряде публикаций (например [14]), одной из наиболее важных и все более активно используемых внутринациональных функций английского языка для носителей языков стран «расширяющегося круга», в частности, для русскоязычного сообщества, является речетворческая/ языкотворческая функция: увеличение англоязычных информационных потоков, интенсификация англо-русских культурно-языковых контактов, рост англо-русского билингвизма ведут к восприятию английского языка как естественного дополнительного инструмента выражения различного рода эстетических и эмоционально-экспрессивных смыслов. Такой вид языкового творчества как языковая игра все чаще строится на столкновении и контаминации единиц русского и английского языка не только в собственно литературно-художественном дискурсе [5: 28-29, 80], но и в профессиональном дискурсе, например, экономическом или компьютерном [6: 503-510], в средствах массовой информации и рекламы [3: 58-59, 66, 144, 206-207], а также в обиходном дискурсе обычных носителей русского языка.

Языковая игра в широком смысле этого понятия (см. прим. 1) рассматривается как реализация поэтической функции языка и предполагает использование языка для

достижения эстетического, художественного эффекта за счет неканонического использования языка. В рамках наиболее распространенной разновидности языковой игры, связанной с достижением комического эффекта, различают острословие и балагурство: острословие направлено на решение определенных смысловых задач, таких как пародирование, высмеивание, травестирование, а балагурство не связано с передачей содержания речи и вызывается лишь стремлением развлечь себя и собеседника [2: 175]. Считая, что разграничение балагурства и остроты достаточно условно, В.З. Санников использует обобщающий термин «языковая шутка» – вид языковой игры, целью которого является создание комического эффекта [7: 15-16].

В русистике накоплен огромный опыт описания русскоязычной языковой игры (обобщаемый, в частности, в [2; 3: 28-32; 7; 9: 99-118]), однако, насколько нам известно, не проводилось специального исследования современной англо-русской языковой игры. Используя собранный нами практический материал, а также разрозненные данные из публикаций, посвященных языковой игре в русском языке, попытаемся систематизировать те приемы обыгрывания англоязычных элементов, которые задействуются в русскоязычном речетворчестве.

1. Одним из наиболее очевидных приемов англо-русской языковой игры является **шутливое заимствование или кодовое переключение/ кодовое смешение**, которое можно соотнести с традиционно выделяемым **приемом «речевой маски»**, когда говорящий вставляет в свою речь «приметы чужого голоса» [2: 180] – начинает говорить как приезжий из деревни, ребенок, бюрократ, иностранец и т.д. Шутливый колорит иноязычий создается либо за счет пародирования манерного, псевдокультурного, «макаронического» использования заимствований, например: «*Это я в нашем шопе купила*», либо за счет чисто стилового контраста, например: «*Леди с дилижанса, пони легче*» (примеры Л.П. Карасика [4: 221]). С точки зрения референциальной функции языка, такое использование иноязычных элементов не обусловлено какими-либо семантическими потребностями, но в то же время, их нельзя назвать «неоправданными»: в подобных контекстах иноязычия выполняют важную эстетическую функцию – нарушать автоматизм речи, привлекать внимание, создавать непринужденную, раскованную атмосферу, вызывать улыбку собеседника, оживлять разговор. В таких случаях особенно трудно бывает провести грань между собственно пародией и балагурством: известно, что пародирование не всегда предполагает высмеивание источника, наоборот, неожиданный «перепев» широко известных и любимых авторов описывается в литературоведении как сигнал комической направленности, одновременно приносящий читающему радость узнавания [7: 24]. Предположительно эти случаи можно объединить как особый вид

заимствований и кодовых смешений/переключений – шутливые или «людческие» (от лат. *ludus* – игра) иноязычия (см. прим. 2). На наш взгляд, сюда относятся уже вошедшие в устойчивый репертуар шутливых иноязычий восклицания «*Сюрприз!*» (с нарочитой имитацией характерного для эмоциональной английской речи сложного тона «падение-подъем»), «*Плиз!*» (с нарочито растянутой гласной, имитирующей английский звук [i:]), «*Вай!*» и «*Йес!*» в тех случаях, когда они не используются «с серьезным видом», а намеренно отсылают к наиболее частотным и известным маркерам англоязычной речи и таким образом обыгрывают их. Интересно, что восклицание «*Йес!*» порой сопровождается копированием невербальной составляющей соответствующего участка англо-американского коммуникативного поведения – одна или обе руки резко сдвигаются сверху вниз со сжатым кулаком, повернутым к лицу говорящего; здесь, очевидно, можно говорить не только о вербальной, но и о невербальной формах шутливого заимствования.

Отметим, что творческое использование кодового смешения/ переключения в целях достижения художественного эффекта все чаще имеет место и в серьезном литературном творчестве современных российских писателей и поэтов. В этой связи можно упомянуть некоторые работы В. Пелевина, в частности, «*Generation “П”*» [20] или ряд поэтических произведений, например: *Это вино на пирушке before,/ А покаянное рубище – after,/ Этом, почти полустертый офорт/ Царевбийство – и кто его автор?* (Н. Перевезенцева) (пример Н.А. Николиной [5: 147]). Еще более частотно кодовое смешение/ переключение в российской модной легкой литературе, получившей название «гламурной», например: «*Casual*» О. Робски [21], «*Брачный контракт или Who Is Ху...*» Т. Огородниковой [19] и др.

2. Следующий по частотности прием англо-русской языковой игры – **словообразовательная англо-русская гибридизация**, при которой максимально актуализируются словообразовательные связи и используется экспрессивный эффект контраста английских и русских компонентов, своеобразное «смешение английского с нижегородским» в рамках новообразованной лексической единицы. Этот прием используется в разнообразных эмоционально-экспрессивных дериватах от заимствованных английских слов, типа, *пропиарить, отпиарить, распиаренный, гламурненько, огламурившийся, писишка, юзанутый* и т. п.; или, наоборот, при объединении русских корневых морфем с заимствованными деривационными морфемами, в которых, по выражению Н.Б. Мечковской, явственно ощущается «привкус чужезычности» [4: 226]. Например, в последние несколько лет высокопродуктивной стала гибридная словообразовательная модель существительных с заимствованным из английского языка суффиксом – *инг* (по аналогии с полностью заимствованными словами

типа *шопинг, рафтинг, лизинг* и т.п.), ср.: *подарринг, покуппинг, сбрендинг* и даже *путинг* (от имени российского премьер-министра) (примеры из [3: 144, 206-207]). По мнению исследователей, данная модель производит ощущение языкового «кентавра», объединяющего нейтральные или даже просторечные русские корни (причем не только глагольные, как в норме, но и субстантивные) с заимствованным суффиксом, который встречается преимущественно в составе целиком заимствованной специальной лексики [там же: 144]. По нашим наблюдениям, данная модель стала настолько популярной в игровой речевой деятельности носителей русского языка, что послужила основой для создания целого ряда шуток и анекдотов, высмеивающих избыточную англизацию русского языка. Например: *Пойду, пройдуь по магазинам. – Шопинг? – Нет, зыринг!; Вы когда чек-аут делать будете? – Сейчас, только закончу чемоданинг, душинг и полотенце-стыбзинг* (из выступления М. Задорнова).

Словообразовательная англо-русская гибридикация в письменной речи часто сопровождается т.н. **графогибридикацией (графодеривацией)**, т.е. гибридикацией латиницы и кириллицы, например: «*Duxless*» (название романа С. Минаева [18]); *Offшелковый шепот халата./ Offспоры. Offссоры. OffСорос. Offсовесть* (А. Вознесенский, пример Н.А. Николиной [5: 80]). Графогибридикация также используется как самостоятельный прием языковой игры, причем, как при оформлении заимствованных единиц, так и при обновленном, игровом написании русскоязычных языковых единиц, включая имена собственные, особенно, в сфере поп-культуры и шоу-бизнеса, например: *Шейкер, Да чарт, МакSum; Кто хочет жить в пентхауZe. Задов in реалити*; уже приводившийся выше «*Брачный коNтракт...*» и т. д.

3. Важным приемом англо-русской языковой игры является **обыгрывание межъязыковой омофонии**, которое соотносится с приемом **псевдомотивации** и лежит в основе создания своеобразных **англо-русских каламбуров**. Например, вывеска магазина по продаже каминов «КАМ-ИН» (пример из [3: 54-55]) одновременно называет предлагаемый товар и приглашает войти, отсылая к известной большинству носителей русского языка со школы английской фразе “Come in”. Обыгрывание англо-русской омофонии также часто сопровождается графогибридикацией, например, «*Про любoff/on*» (название романа О. Робски [22]); *Pro-обзор, Pro-новости, PRO ЦИРК* (игра на омофонии русского предлога *про* и англоязычного сокращения *pro* (*professional* – *профессиональный*); *Молот’ОК, Гуд’ОК* (ставшее популярным обыгрывание омофонии русского суффикса «-ок» и английского сокращенного варианта *okay*) и т. п. Подборка примеров языковой игры, основанной на данном приеме, которая приводится в работе С.В. Ильясовой и Л.П. Амири, демонстрирует, что особенно часто она используется для

привлечения внимания при создании газетных и журнальных заголовков и рекламных слоганов: *Какое пиво мы выBEEРаем*; *Чудотворные STARцы*; *LENNYнград*: *Подробности визита знаменитого рокера Лени Кравица в Северную столицу* и т. д.; *С “МЕХХ” всегда МЕХХимальный успех*; *Клинское REDкое* (пиво) и т. п. [3: 81-87, 111].

4. «Коверканье»/ языковое «кривляние», нарочитое огрубление, намеренное нарушение норм транслитерации/транскрипции и ударения, «стёб» и «ёрничание» через сближение со «снижающими» семантически далекими русскими словами характерны для отдельных сфер русскоязычного дискурса, в частности, компьютерного и экономического жаргона/ сленга. Описывая многочисленные примеры огрубляющей адаптации английских компьютерных терминов в русскоязычном компьютерном жаргоне, типа: *виндá, видовоз, виндюк* (Windows), *мыло, мыльница, Емеля* (e-mail), *нафигатор* (Netscape Navigator), *хацкер, хакёр* (хакер) и т. п., Н.Б. Мечковская дает следующую их интерпретацию. Во-первых, в подоплеке комического эффекта искаженного компьютерного термина «живет насмешка над «чайником», который, будто бы вот так прочитывает английское слово» [6: 506]; во-вторых, обыгрывание англицизмов связано с традиционной психологией соперничества с американцами и как следствие – «с неосознанным (или не вполне осознанным) сопротивлением компьютерному английскому» [там же: 504]; и, в-третьих, «игры компьютерщиков с терминами-англицизмами – это еще и отдых, развлечение, забава, балагурство, т.е. средство эмоционально-экспрессивной разрядки и релаксации», в соединении с «чисто художественной радостью самовыражения через словотворчество и мастерство» [там же: 505]. Среди ставших наиболее популярными пародийных и шуточных «исковерканных» терминов экономической сферы можно упомянуть *сейлзóв* (от термина, означающего *сотрудники отдела продаж*) и *манáгеров* (от *менеджеры*).

Пародирование английских заимствований, сопровождаемое приемами просторечного балагурства, такими как фонетическое или морфологическое «коверкание», широко используется для языковой характеристики комических персонажей. Например, кот из мультфильма про блудного попугая, приобщившись к заграничным материальным благам, смеется над главным героем: «*Эх ты, это ж бубльгум!*». Заимствование в данном случае может быть охарактеризовано как семантически неоправданное (используется героем только как более престижное по сравнению с полностью эквивалентным русским словом «*жвачка*»), и для большего комического эффекта искажено - транслитерировано вместо нормативного транскрибированного варианта «*бэблгам*». Дополнительный комический эффект гибрида «*гламурненько*», который постоянно использует няня Вика из популярного

телевизионного сериала, создается за счет введения искажающего диалектного фонетического признака – «ɣ» фрикативного на месте «g» взрывного.

5. Возрастающая интернационализация англоязычной культуры создает дополнительные возможности использования в качестве особого стилистического приема **англо-русских интертекстуальных отсылок и обыгрывания/ шутивного переименования прецедентных англоязычных феноменов**, таких как названия книг, фильмов, песен, строки из фильмов, песен, литературных произведений, рекламные слоганы, высказывания известных личностей, речевые штампы и т. д. Это может быть полное англоязычное цитирование, например: *Мы ведь не с самодостаточным “you are simply the best” («ты – самый лучший») старушки Тины Тернер имеем дело, нам сравнение с соседями подавай* [17]. Уже само введение в текст любого прецедентного феномена признается игровым приемом, потому что создает определенную двуплановость, подтекст, намек за счет его столкновения с новым языковым контекстом [3: 245-246, 226], тем более, если речь идет о столкновении англоязычной цитаты с русскоязычным окружением. Еще больше усиливается экспрессивный эффект, когда носители русского языка прибегают к различным трансформациям и игровым деформациям англоязычных цитат, например: «*Sex в большой политике*» (название книги И. Хакамада [28], отсылка к роману Кэндис Бушнелл и сериалу по его мотивам “Sex and the Big City”); *Шоу будет гоу* (“Show must go on”); *Осторожно: прапорицк Задов. Миссия непосибл* (“Mission Impossible”). Отметим, что в описании феномена интертекстуальности некоторые исследователи, например, И.В. Арнольд [1: 13], выделяют в качестве особого стилистического приема «кодovou интертекстуальность», под которой понимается многоязычие или гетероглоссия, т.е. включение в текст слов и фраз на иностранных языках. С этой точки зрения, описанный нами первым прием шутивных иноязычных заимствований и вкраплений может быть дополнительно охарактеризован как обыгрывание частотных англоязычных слов и выражений через их своеобразное «кодovou-интертекстуальное цитирование» в русской речи. Кроме того, многие из ранее созданных англо-русских языковых шуток оказываются настолько запоминающимися, что позже также используются интертекстуально, например: ... *это ж, как говорил жирный кот в мультфильме про попугая, бубльгум. Жвачка* [16].

6. На материале англо-русского языкового контакта и «кодовой интертекстуальности» можно проследить еще один из традиционных приемов языковой шутки – **разложение фразеологизмов и дефразеологизацию**. Например, клише из популярных американских сериалов про скорую помощь, *Мы его теряем*, которое в исходном варианте используется как медицинский эвфемизм по отношению к

умирающему пациенту, при переносе в русский язык приобрело шуточный оттенок и встречается в контекстах, в которых глагол *«терять»* используется неидеоматически, в своем прямом значении. Так, в сериале «Люба, дети и завод» одна героиня говорит другой про разваливающийся на ходу автомобиль: *Мы его теряем. По частям.* Языковая шутка возникает за счет одновременной дефразеологизации иноязычного фразеологизма и стилистического контраста единицы иноязычного медицинского дискурса с обыденной русскоязычной ситуацией.

Итак, очевидная тяга к англицизмам в современной русскоязычной речи, связанная с давлением глобального английского языка, растущим космополитизмом и интернационализацией общения, в то же время сталкивается с мощными механизмами речетворческого сопротивления процессам англизации и их игровой адаптации. Избыточные заимствования и неоправданное кодовое переключение/смешение, вызывающие справедливую обеспокоенность со стороны ревнителей чистоты русского языка, действительно имеют место и зачастую свидетельствуют о невысоком уровне речевой культуры говорящих, об их стремлении приобщиться к «высшим» слоям, говорить «по-иностранному», «непонятно» и «красиво». Однако это лишь первый, самый поверхностный слой активизации англо-русского взаимодействия в разговорной речи. Современное русское языковое сознание принимает этот «иноязычный вызов» и творчески (или, в контексте нашей темы, можно сказать «креативно») реагирует на него следующим образом: либо переосмысливает и использует иноязычия в художественно-эстетических целях, либо порождает языковое контръявление - «смеховую» (по М. Бахтину, «карнавальную») реакцию, включая пародирование иноязычий и новые (или возрожденные? (см. прим. 3)) приемы балагурства и острология, основанные на игровом противопоставлении русских и иноязычных единиц. Как представляется, этот процесс универсален для всех языков, вступающих в интенсивный контакт с глобальным английским языком (ср., исследование на материале корейского языка [13]). В будущем было бы интересно, обобщив материалы по англо-русской языковой игре, сопоставить их с описаниями аналогичных процессов в языках других стран, входящих, как и Россия, в «расширяющийся круг» мирового английского языка, и выявить некоторые универсальные и специфические черты данного языкового явления.

В заключении отметим следующее: многие ученые, работающие в рамках контактной вариантологии английского языка, считают, что «если английскому языку суждено оставаться основным международным языком, экспрессивная функция, вероятнее всего, будет постепенно занимать центральное место в его использовании по всему миру» («... if English remains the world's primary international language, the expressive

function is likely to become increasingly central to its international use”) [12: 143]. На наш взгляд, это положение подтверждается частотностью использования и разнообразием приемов англо-русской языковой игры, к которым прибегают в своей речетворческой деятельности носители современного русского языка.

Примечания:

1. В узком понимании «языковая игра» приравнивается к «игре слов» или, еще уже, к каламбуру. В таком суженном понимании, встречающемся в некоторых терминологических словарях, данный термин практически не используется в современном языкознании: чаще каламбур рассматривается как разновидность «игры слов», а «игра слов», в свою очередь, как разновидность «языковой игры». Еще одна терминологическая проблема связана с первым словом в термине «языковая игра»: некоторые авторы настаивают на термине «речевая игра», однако, по мнению В.З. Санникова, употребление ставшего традиционным термина «языковая игра» вполне оправдано, «поскольку она основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» [7: 15].

2. Термины *ludism*, *ludic* наряду с терминами *language play* и *word play* широко используются в зарубежных публикациях по проблемам языковой игры вслед за Й. Хейзингой, который в своей работе “*Homo Ludens*” («Человек Играющий») исследовал значимость игрового аспекта для жизнедеятельности общества и культуры [10].

3. Наличие и/или преобладание в механизмах балагурства и острословия единиц того или иного иностранного языка является одной из важнейших культурно-исторических примет любого языкового сообщества. Так, русское общество XVIII-XIX вв. в его образованной части было «многоязычным», знание нескольких иностранных языков было нормой, поэтому в русской литературе того периода можно обнаружить многочисленные примеры как собственно иноязычных вкраплений и языкового переключения (которые в современных изданиях комментируются в подстрочных примечаниях-переводах), так и шуточных обыгрываний иноязычий, например: свидетельства коверкания иностранных слов в просторечии (... *Забил снаряд я в пушку туго...Постой-ка, брат мусью!*), балагурства и острословия (*А мы к вам, шарманочка! – продребезжал генерал, довольный тем, что сумел по-своему передать слово “charmante”* (А.П. Чехов); пародирования макаронической речи, «французского с нижегородским» (*Ардальоновы девы всполохнулись, закивали туловищами, учиняли политес с конверсационом: – Пуркуа, фатер, спозаранку водку хлещете?* (А. Флит) и т. п. Как отмечает В.З. Санников, события 1917 г. повлекли изменение отношения к использованию (и уж тем более к обыгрыванию) иностранных языков; по наблюдениям В.З. Санникова,

отдельные примеры можно найти в юмористических рассказах М.М. Зощенко или Ал. Толстого, но это в основном крайне искаженная макароническая речь [8: 11].

Некоторую временную активизацию шуточных заимствований и балагурных присказок на основе немецкого языка в обиходной речи можно было проследить после окончания первой, а затем и второй мировой войны, например: *Утюгу капут*, или *Битте-дритте, фрау-мадам*. Немецко-русская макароническая речь также использовалась для языковой характеристики комических персонажей; например, участник войны, Савва Игнатьич из фильма «Покровские ворота» постоянно повторяет «*Натюрлих, Маргарита Павловна!*», «*Данке шен, Маргарита Павловна!*», стараясь соответствовать, в его собственном представлении, уровню интеллигентной возлюбленной. Однако в целом, эти приемы языковой игры, столь частые в дореволюционной России, практически исчезли и из разговорной речи, и из литературы в советский период. Современная русская языковая игра, как считает В.З. Санников [8: 11], свидетельствует о новом этапе языкового сознания русского социума, который характеризуется возрождением интереса к иностранным языкам, по преимуществу, к английскому, что обусловлено глобализацией и интернационализацией английского языка.

Литература

1. Арнольд И.В. Поэтика интертекстуальности // Вопросы английской контекстологии. Вып. 4. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – С. 7-15.
2. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.И. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1994. – С. 172-214.
3. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 296 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
5. Николина Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. – М.: Гнозис, 2009. – 336 с.
6. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 584 с.
7. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
8. Санников В.З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры // Вопросы языкознания. – 2005. - № 4. – С. 3-20.

9. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – М.: ГИС, 2006. – 260 с.
10. Хейзинга Й. Homo Ludens. – М.: Прогресс, 1992. – 464 с.
11. Berns, Margie. Expanding on the Expanding Circle: where do WE go from here? // World Englishes. – Vol. 24. No. 1. – 2005. - pp. 85–93.
12. Jenkins, Jennifer. World Englishes: A Resource Book for Students. – London & New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2006. – 233 p.
13. Lee, Jamie Shinhee. English for Entertainment: Accidental and Not-so-Accidental Humor on Korean TV. URL: <http://worldenglishesvancouver2010.com/focuslectures.html>
14. Rivlina, Alexandra. ELF Creativity and English-Russian Language Play // Культурно-языковые контакты. Сб. науч. трудов. Вып. 10. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 98-117.
15. Proshina, Zoya. Slavic Englishes: education or culture? // Kirkpatrick, Andy (ed.). The Routledge Handbook of World Englishes. – London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2010. - pp. 299-315.

Источники примеров:

16. Львова В. С чего начинается гибель империи? // Комсомольская правда. - 07.04.2005. - Доступно в URL: <http://www.kpmsk.ru/daily/23491.4/38616/> (время доступа 05.06.2011.)
17. Львова В. Плотина на рекламном песке // Комсомольская правда. - 15.10.2005. - Доступно в URL: <http://www.kp.ru/daily/23596/45622/> (время доступа 05.06.2011.)
18. Минаев С. Духless. Повесть о ненастоящем человеке. – М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007. – 336 с.
19. Огородникова Т. Брачный коNтракт, или Who Is Ху... - М.: Центрполиграф, 2006. – 304 с.
20. Пелевин В. Generation «П». – М.: Эксмо, 2011. – 320 с.
21. Робски О. Casual. – М.: АСТ, Астрель, 2009. – 300 с.
22. Робски О. Про любoff/on. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2010. – 320 с.
23. Сорокин В. Dostoevsky-trip // Сорокин В. Сердца четырех. – М.: Ад Маргинем, 2001. – С. 215-258.
24. Хакамада И. Sex в большой политике. Самоучитель self-made woman. – М.: Новая газета, Книжный клуб, 2006. – 232 с.